

**СУРГУТ ПОД ВЛАСТЬЮ УЧАСТНИКОВ
 ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО
 ВОССТАНИЯ 1921 ГОДА**

**SURGUT UNDER THE
 WEST-SIBERIAN 1921
 PEASANTS' REVOLT**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности организации власти, внутренней политики участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. в г. Сургуте и Сургутском уезде.

Ключевые слова: Западно-Сибирское крестьянское восстание; антикоммунистическое движение; внутренняя политика; милитаризация.

Сведения об авторе: Цысь Валерий Валентинович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России.

Место работы: Нижневартовский государственный университет.

Abstract. The article is devoted to the particular features of organization of political power and domestic policy of West-Siberian peasants' revolt which took place in 1921 in Surgut and Surgut district.

Key words: West-Siberian peasants' revolt; anti-communist movement; domestic policy; militarization.

About the author: Valery Tsys', Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Russian History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Контактная информация: 628605, Ханты-Мансийский округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: (3466)273510.

E-mail: roshist@mail.ru

В истории Сургута период нахождения у власти антикоммунистического режима, созданного самим населением в ходе крестьянского восстания 1921 года и непосредственно не связанного с какими-либо политическими партиями и организациями, представляет интересный пример своеобразного политического творчества, обусловленного преимущественно представлениями о справедливой и законной власти, а не чьими бы то ни было программами или умозрительными теоретическими схемами. Эта трагическая страница истории Тобольского Севера до недавнего времени освещалась односторонне. Акцент делался на злодеяниях участников «кулацко-эсеровского мятежа». В действительности же в событиях весны 1921 г. вряд ли возможно дать однозначную оценку той или иной противоположной стороне [см., напр.: 5, 2].

Сургут находился под властью «партизан» (так сами себя называли участники Западно-Сибирского крестьянского восстания) около двух с половиной месяцев — с 9 марта по 29 мая 1921 г. Первоначально повстанцы старались следовать провозглашенным ими демократическим принципам. Уже днем 9 марта, спустя несколько часов после оставления города коммунистами и их сторонниками, созывается общее собрание жителей Сургута, на котором выбирается Комитет общественной безопасности — высший орган, сосредоточивший в своих руках управление гражданской и военной властью на территории Сургутского уезда. В состав уездного КОБа были избраны А.И.Кондаков (председатель, учитель Сургутской школы), Ф.Е.Третьяков (товарищ председателя, до этого — сотрудник уездного финотдела), М.А.Носков (секретарь, руководитель профсоюзной организации Сургута), А.П.Дождев (бухгалтер уездного исполкома и кооператива), А.В.Силин (учитель Сургутской школы), Д.Н.Бучельников (завскладом кооператива «Северсоюз»), С.И.Проскураков. Позднее в КОБ ввели П.С.Мансурова (лесной объездчик, первый Сургутский уездный комиссар периода Временного правительства), Н.Ю.Закорюкина (судья, стал руководителем юридического и следственного отдела КОБа).

Вечером того же дня при участии отряда А.Г.Третьякова избирается Военный совет. Однако последний так и не приступил к работе, т.к. большинство его членов отправилось вверх по Оби преследовать отступающих коммунистов. Из добровольцев, в том числе и женщин, формируются патрули, предназначенные для поддержания порядка в городе и выявления коммунистов. Патрули несли охрану уездного центра в течение первых двух дней после его занятия повстанцами.

10 марта 1921 г. приказом Комитета общественной безопасности начальником Сургутской милиции назначается М.А.Шестаков (ранее — заведующий информационно-инструкторским подотделом Сургутского уездного исполкома, заведующий заготовительным отделением районной конторы), которому предлагается «в срочном порядке организовать штат народной милиции по своему усмотрению» [1. Ф. 236. Оп. 2. Д. 321. Л. 22]. По показаниям свидетелей, Модест Александрович без особой охоты исполнял возложенные на него обязанности, старался не допускать беспричинных арестов и конфискации.

Сургутскому КОБу подчинялись местные волостные и сельские комитеты, организовавшиеся в соответствии с приказом № 1 от 10 марта 1921 г.: «В сельских местностях должны быть немедленно созданы Волостные и Сельские Комитеты Общественной Безопасности, распоряжения которых для жителей обслуживаемых ими районов обязательны» [1. Ф. 236. Оп. 2. Д. 125. Л. 28]. Военная власть сосредотачивалась в руках «начальников отрядов». По документам и косвенным свидетельствам известно о существовании Локозовского волостного крестьянского совета (председатель А.П.Трофимов), Александровского КОБа (председатель Ф.Комаров), Юганского и Ларьякского КОБов. Эти учреждения также избирались на общих сходах граждан, как правило, в присутствии командиров отрядов «партизан». В отличие от большевистских советов, при формировании КОБов и крестьянских советов не учитывалось имущественное положение и социальное происхождение. Главные критерии — доверие населения и неприятие коммунистических идей. В свою очередь Сургутский КОБ подчинялся Тобольскому крестьянско-городскому совету в гражданском отношении и начальнику Тобольского гарнизона в военном.

Однако необходимость ведения боевых действий против коммунистов заставляла ограничивать провозглашенные принципы народовластия. Все освобожденные от коммунистов территории объявляются прифронтовой полосой. За распространение «провокационных слухов», «нарушение общественной тишины и безопасности», порчу телефонных и телеграфных линий виновные подлежали военно-полевому суду. Вводился комендантский час с 8 часов (в сельской местности) или 9 часов (в городе) вечера до 6 часов утра, система пропусков [1. Ф. 236. Оп. 2. Д. 207. Л. 3].

После поражения повстанцев 20 марта под д. Мурасы на границе Томской и Тюменской губерний началось их стремительное отступление по долине Оби к уездному центру. К концу марта в Сургуте скапливается большое число беженцев и военных, прибывают подошедшие с Конды подкрепления. В Сургут вывозятся из с.Юган ценности местной православной церкви.

Бой в 30 верстах к востоку от Сургута у д.Широково, произошедший вечером 31 марта, не смог переломить ситуацию, принявшую на следующие два месяца патовый характер: у красных не имелось достаточных сил, чтобы в условиях распутицы наступать на Сургут, повстанцы же после понесенных поражений не решались атаковать Локозово, где сосредоточились основные силы противника, ограничиваясь лишь разведывательными операциями.

Все вышеизложенное отразилось на положении в Сургуте. 28 марта высшим органом власти фактически становится Сургутский Военный штаб (другое название — Сургутский Военный Штаб Народной Армии по борьбе с коммунизмом), подчинивший гражданскую администрацию. В его состав вошли: Н.А.Преображенский (начальник штаба и одновременно начальник городского гарнизона), М.Змановский (его помощник), Д.Змановский,

А.И.Кондаков, А.В.Силин [2. С. 90]. Устанавливаются ночные дежурства сотрудников штаба. Своего рода элементами «военной демократии» следует признать периодически практиковавшиеся «общие военные собрания», обсуждавшие важнейшие вопросы политики повстанцев.

Основным направлением деятельности «мятежников» являлась мобилизация сил для продолжения борьбы с коммунистами. Первоначально призыву подлежали мужчины в возрасте от 18 до 30 лет. Впоследствии призывной возраст был доведен до 40—45 лет.

Так, в соответствии с приказом Сургутского КОБа от 23 марта объявляется мобилизация горожан 20—29 лет. Для освидетельствования призывников создается комиссия под руководством Н.Ю.Закорюкина. Всего мобилизации подлежало 54 человека. Лишь двое из них — А.Г.Клепиков и С.Прилуцкий были приняты на службу как добровольцы [2. С. 88]. В Локосово приемной комиссией в составе «уполномоченного Главного Штаба Народной армии» Н.А.Преображенского, председателя местного Крестьянского совета А.П.Трофимова, фельдшера В.И.Рассохина было осмотрено 17 человек 1892—1901 годов рождения, из которых 8 признали годными, 7 получили отсрочку на срок от двух недель до двух месяцев [1. Ф. 236. Оп. 2. Д. 188. Л. 4].

Значительное внимание уделялось развешиванию антикоммунистической пропаганды. Распространялись воззвания к коммунистам, к крестьянам, составлявшие преимущественно Н.Ю.Закорюкиным и А.В.Силиным. Как и любой подобного рода материал, эти обращения содержали много пафоса и преувеличений. «Всюду, как на территории Сибири, так равно и на территории Европейской России в городах и провинции, Государственное Управление молниеносно переходит в руки Красных Крестьянских Советов, приветствуемое с громадным энтузиазмом всеми слоями населения...», — утверждалось в одном из таких воззваний [1. Ф. 236. Оп. 2. Д. 125. Л. 26].

Милитаризация сургутской жизни выразилась в том, что к середине апреля гражданские органы власти сворачивают активную работу. 18 апреля прекратил существование Комитет общественной безопасности. Он реорганизуется в городской совет, председателем которого назначается все тот же А.И.Кондаков. Совет имел ограниченные полномочия, занимаясь в основном делами городского хозяйства. Позднее он переименовывается в городскую управу. Начальник повстанческой милиции М.А.Шестаков признавался, что целыми днями слонялся по городу, имитируя хоть какую-то деятельность.

До минимума сокращаются штаты оставшихся учреждений. Их сотрудники подлежали медицинскому освидетельствованию и призыву на военную службу. Так, 14 апреля призывают семерых сотрудников почтово-телеграфной конторы. 27 апреля издается приказ Военного штаба об «изъятии» из уездного транспортно-материального отдела двух из четырех его сотрудников [1. Ф. 236. Оп. 2. Д. 188. Л. 7]. В 20-х числах апреля мобилизуют взводов, оказавшихся в Сургуте при мартовском отступлении.

Отряды повстанцев, вероятно, так и не получили правильной организации. Тем не менее, помимо подразделений, именованных по их командирам (отряды Сеянова, Третьякова, Иглойкова, Зеленского, Сеина и др.) существовала караульная рота. Отряд А.Г.Третьякова делился на взводы. В источниках упоминаются, по меньшей мере, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й взводы этого отряда. Потребности повстанцев обслуживала сапожная мастерская. Действовал военный госпиталь (врач — П.Е.Суетин, фельдшер — В.И.Рассохин).

Милитаризация системы управления в Сургуте объяснялась, в том числе и тем, что в условиях временного прекращения активных боевых операций в период распутицы основные военные силы повстанцев были сосредоточены в самом городе. Разместить «партизан» в других местах уезда, где преобладали небольшие удаленные друг от друга поселения, имевшие от 1 до 5 дворов каждое, было затруднительно. Другой фактор — стремление усилить политическую власть после военных неудач, пресечь возможное недовольство сомневающихся в успехе восстания.

В это время у многих людей начинают проявляться далеко не самые лучшие стороны их натуры. М.А.Шестаков вспоминал, что к нему приходили граждане (в основном женщины) с просьбами произвести обыски у коммунистов и членов их семей. Был отдан приказ резать коров у семей коммунистов. Из документов и свидетельств современников известно о расправах, допускавшихся повстанцами по отношению к лицам, заподозренным в сотрудничестве с врагом или сочувствии к коммунистам. Однако, справедливости ради, нужно отметить, что отчасти эти жесткие меры являлись реакцией на расстрелы заложников, широко практиковавшиеся ревкомом Тобольского Севера в конце февраля 1921 г. «Прилагаю при сем копию только что полученной телеграммы из Березова, — писал начальник Сургутского Военного штаба Н.А.Преображенский командиру одного из повстанческих отрядов. — Из нее Вы увидите, как ведут себя коммунисты с беззащитным населением. Надо покончить с этими извергами, потерявшими всякое человеческое достоинство, надо отомстить невинную кровь. В Сургуте мною уже расстреляно по приговору военно-полевого суда три коммуниста. Только что приговорены к смерти еще четверо. Приговор будет приведен в исполнение сегодня в 10 часов вечера...» [1. Ф. 236. Оп. 2. Д. 207. Л. 6]. До 24 мая 1921 г. в Сургуте действовала Военно-Следственная комиссия (секретарь М.А.Носков), занимавшаяся разбором дел арестованных коммунистов и сочувствующих им лиц.

В середине мая в Сургуте проводятся повальные обыски с целью найти спрятанное населением оружие и боеприпасы, а также, вероятно, для того, чтобы занять «партизан» хоть каким-то «полезным» делом. В прилегающем к Оби районе были вырыты окопы, выставлялись заставы (у пристани, в с.Юган, в д.Широково), назначались наряды и караулы. После взятия 11 мая с. Самарово отрядом П.И.Лопарева часть сурутских повстанцев под командованием Зеленского была отправлена вниз по Оби для ликвидации возникшей угрозы. В этот период, возможно, проводится реорганизация военных сил, о чем свидетельствует появление в документах упоминаний о «ротах и командах» как основных воинских подразделений «партизан».

О положении и настроениях повстанцев в последние дни перед их окончательным поражением можно судить по следующим, случайно сохранившимся документам.

В приказе № 74/а от 26 мая 1921 г. сообщается: «Мною замечено, что сплошь и рядом приказы командиров рот и команд вовсе не выполняются, а выполняются только после длинных разговоров. Чтобы предотвратить разгильдяйство предоставляю право командирам рот и команд виновных партизан подвергать аресту до 10 суток. Об арестах доносить рапортами с указанием проступков...» [1. Ф. 236. Оп. 2. Д. 281. Л. 30]. В приказе № 75 от 27 мая 1921 г. отмечалось, что партизаны «совершенно не знают своих обязанностей»: в ночь с 25 на 26 мая во время дежурства дневального Чебуренкова из помещения 1-й роты вынесли винтовки, что «недопустимо и противоречит уставу внутренней службы». Далее отдается приказ об организации командирами занятий по изучению устава внутренней службы. Провинившегося дневального арестовали на 5 суток [1. Ф. 236. Оп. 2. Д. 207. Л. 30 об].

Тексты этих документов свидетельствуют, что в рядах повстанцев наблюдалось ослабление дисциплины и боеготовности накануне появления частей красных под командованием А.А.Неборака. Еще 8 апреля прервалась связь Сургута с Тобольском. После падения Самарова город оказался отрезанным и от Березова. Находясь в полной изоляции, повстанцы неизбежно теряли присутствие духа, надежду на победу. Поэтому ими не было оказано практически никакого сопротивления отряду А.А.Неборака, занявшему Сургут 29 мая 1921 г.

Об общей численности участников восстания на территории Сургута и Сургутского уезда точные данные отсутствуют. Тем не менее, можно привести некоторые предварительные расчеты. По сведениям А.А.Неборака, его отрядом было арестовано в Сургуте около 400 человек, в том числе 35 «активных работников». За все время операции его

отряд уничтожил 58 повстанцев и еще 540 захватил в плен [3. Ф. 16. Оп. 3. Д. 76. Л. 64]. Несколько месяцев спустя после подавления восстания был составлен «Список лиц, принимавших активное участие в восстании гр.(аждан) г.Сургута». В него вошли 30 человек, из которых 14 к тому времени были расстреляны, 1 находился под следствием, а 15 числились «в бегах» [4. Ф. 158. Оп. 1. Д. 115. Л. 33]. При том, что в конце 1919 г. население Сургута составляло 1888 человек, а всего в уезде проживало около 13 тыс. человек (из них русских — около 5,5 тыс.), можно сделать вывод, что в восстании приняла участие весьма существенная часть местных жителей. Другое дело, что большинство из них не являлись сознательными противниками коммунистического режима и сторонниками либеральной демократии. Основная масса населения была стихийно вовлечена в водоворот политической борьбы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Томской области.
2. Николаенко В.И. Из истории восстания 1921 г. в Сургутском уезде // Очерки истории Сургута. Сургут, 2002. С. 77—101.
3. Российский государственный военный архив.
4. Сургутский городской архив.
5. Цысь В.В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917—1921 гг.). Нижневартовск, 2005.